

21. Шуддяков В. А. К предыстории «анненковщины»: Отряд особого назначения Сибирской казачьей дивизии в марте 1917 — феврале 1918 года // Небдаевские исторические чтения. Омск, 2008. С. 158–188.
22. Шуддяков В. А. Возрождение Партизанского отряда атамана Б. В. Анненкова и его действия в районе Омска и на Верхнеуральском фронте (апрель — август 1918 г.) // Известия Омского гос. историко-краеведч. музея. № 19. Омск, 2014. С.108–122.
23. Шуддяков В. А. «Анненковщина» как политический фактор гражданской войны на востоке России // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны. Вып. 2. Новосибирск, 2013. С. 161–213.

А. П. ЯРКОВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ — ДЛЯ СОВРЕМЕННОСТИ (размышления о религиозной принадлежности казаков)

Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл в одном из выступлений призвал не разделять казаков на «реестровых» и не реестровых, но предупредил необходимость окормления всего казачества РПЦ МП, подразумевая приверженность казаков православию. Между тем исторический опыт и современная ситуация задают более широкий подход к данному вопросу, в т. ч. на пространстве Сибири.

Инициатива «возрождения татарского казачества», рожденная в 2013 г. Д. Ахметовым (представляющим себя членом Татарского дворянского собрания России и потомком главы Тобольского татарского иррегулярного казачьего войска Сабанака Кульмаметьева), отражает особенности и проблемы всего современного казачества, «застрявшего» на путях поиска идентичности и своего места в России (да и за ее пределами).

Между тем, по уставу Южно-Тобольского казачьего общества (ЮТОКО) его членами могут быть только православные, что отторгает от него как атеистов, так и сторонников иных конфессий. Возникновение в современных условиях структуры (под наименованием «сотня имени мурзы Сабанака»), якобы ранее существовавшей под названием «Татарский казачий полк», имеет особенности. Отсюда и результат — место проведения организационного собрания — молитвенный дом Духовное управление мусульман Азиатской части России, хотя формально

объявлено: «членами сотни имени мурзы Сабанака могут быть и православные, и иудеи, и протестанты». Это, в принципе, отражает структуру Сибирского казачьего войска к концу XIX в., где татары были представлены на уровне приписных (служилых) казаков.

Стоит заметить, что еще при Екатерине II Ялуторовский округ выделен с причислением к нему ясачных татар и казаков Сингульской и Асланинской волостей, стимулируя консолидацию вокруг основного этнического ядра, все больше осознававшего себя сибирскими татарами. Таким образом, отрицать значение казаков в этнических процессах тюрков в нашем крае так же безуспешно, отринув, таким образом, радикальные утверждения о «чистоте» этноса.

В 1808 г. принят Указ, который завершил процесс формирования Сибирского линейного казачьего войска, а сами казаки обращены в замкнутое сословие с воспрещением выхода из него. Тогда на Сибирских линиях служило 6117 казаков. Они состояли с 17 лет и, как ранее — «доколе был в силах» на постоянной службе в составе команд, чередуясь в исполнении службы на границе, «отодвигавшаяся» от места проживания семей.

Тем и отличались от линейных казаков городские, среди которых служили и татары: в 1816 г. в тобольской казачьей команде (в документах отмечена «Тобольская иррегулярная легкая из магометан казачья команда») насчитывалось по 1 офицеру и старшине, 71 казак и 61 детей казачьих, а в томской — 1 старшина, 19 казаков, 20 казачьих детей и 14 отставных и не служивших [9, с. 79, 197]. Всего же в 1816 г. в Тобольском уезде учтен 721 служилый татарин, включая отставников и детей.

Стремилась стать казаками иные из оседавших казахов, хотя в большинстве случаев между казахами и русскими казаками, особенно на Бийской линии, существовали напряженные отношения [5, с. 233]. Живя уже в казачьих или смешанных селениях, казахи принимали православие, русские имена и фамилии [11, с. 127].

В то же время включение в состав Оренбургского войска небольшого числа башкир могло бы способствовать их растворению в доминирующей русской этнокультурной среде [1, с. 31–33], но имелось препятствие — наличие в составе оренбургских казаков мулл и муэдзинов, окормлявших их в поселениях и войсках [3, с. 64–69]. Поскольку граница Оренбургского казачьего войска доходила до станицы Звериноголовской, то на тех землях селились и пришлые мусульмане, которые пополняли численный состав войска.

Совместное проживание православных и мусульман не поощрялось, но его трудно ограничить и контролировать в городах с пестрым составом. Существовали предпочтения в расселении, но внутриквартальное пространство становилось общим коммуникативным полем с вытекающими явлениями. Даже выстроенные властями ограничения преодолевались естественным образом — по формулярным спискам прослежено пять браков русских казаков с казашками и 18 браков с ясашными, этническая принадлежность которых неизвестна [11, с. 127].

Сибирское линейное войско подчинялось военному ведомству, а городовые казаки принадлежали к составу губернской и окружной полиции, подчиняясь гражданскому управлению. В их функции, кроме исполнения воинской и административной служб входили обеспечение «таможенного дела», отправка «хлебных запасов», сбор ясака и т. д. Взамен же они имели три вида жалования: деньги, хлеб, соль и значительные земельные наделы. В 1822 г. подтвержден статус служилых татар, где «состоящие из сих иноверцев в казачьем звании остаются в оном». Согласно «Уставу о сибирских городских казаках» создано 8 полков городских казаков — группы служилых людей по прибору, набравшихся из вольных людей всех сословий. Они подчинялись «головам», атаманам, сотникам, ротмистрам. Сибирский татарский казачий полк с штатом в 571 чел. комплектовался из тобольской, тюменской и томской городских татарских команд, а Указ зафиксировал: «Офицеров и казаков, не Магометанскую веру исповедующих, в Татарский полк не определять».

Уже после отбытия службы грамотные сибирские татары-казаки иногда становились муллами в степных кочевьях [7, с. 5–31]. Характерно, что в 1823 г. казахи Атагаевской волости подали прошение об определении к ним учителем и муллой отставного казака из Тобольской татарской команды В. Уразметева, т. к. «по-азиатски читать и писать умеет», а по-русски нет. К тому же женат на казанской татарке. Благонадежный казак-мулла получил в Омске в феврале 1824 г. и право учительствовать [8, с. 76–77].

Положение 1846 г. закрепило военно-поселенную организацию, где каждый казак обязан служить с 19 до 49 лет, а не согласные поступить в казаки обязывались переселиться с казачьих земель в течение 2 лет [6, с. 188]. Из-за переделов оказалось на территории Оренбургского войска одно из селений ичкинских татар, зачисленных в казаки. Сибирские и оренбургские казаки-мусульмане (например, ездовой А. Якупов) использовались при присоединении Казахстана и Средней Азии.

Выход из казачьего сословия, как и проживание на их территории не казаков запрещались, укрепляя политическую лояльность независимо от вероисповедания. Ограничили и возможность поступления в линейные казаки представителей других сословий. В 1849 г. из городских казаков Тобольской губернии, Тобольского и Сибирско-Татарского образованы Тобольский казачий конный полк (штат 676 чел.) и Тобольский пеший казачий батальон, где числилось 1707 казаков, проживавших на землях Тобольского городского полка, и приписанных по службе к батальону (в строю, получая жалование — 648 чел.). 1354 татар относились к категории станичных казаков и жалования не получали. В городской полк набирались лишь горожане (казакам казачьих войск проживание в городах запрещено), а сельчане не покидали селений, исполняя там службу [4, с. 110–111].

Все они находились в подчинении командира Отдельного Сибирского корпуса. Подразделения уже возглавляли назначенные офицеры, а Кульмаметьевы занимали лишь средние командные должности. Наследственным правам клана нанесли серьезный удар [10, с. 249], но авторитет среди соплеменников остался по-прежнему высоким. К тому же иные из Кульмаметьевых избрали для себя духовную сферу, а другая часть (вместе с Кутумовыми) служила, оставаясь крупнейшими землевладельцами.

Всего же на юртовых полковых землях, приписанных к Тобольскому казачьему полку, проживало 1 354 казака. Не желавшие отправляться на укомплектование полка в Тобольскую губернию томские служилые татары перечислились в станичные казаки, главная обязанность которых — охрана порядка и защита населяемой ими местности [4, с. 111].

Большинство казаков-мусульман было расселено в Тобольском, Тюменском и Ялуторовском округах. Лишь немногие поволжские татары составили часть тюркского войскового населения, в основном сосредоточенных в 1851 г. в пос. Становом Петропавловского уезда (46 казаков 4-го полка) и пос. Имантаевском Кокчетавского уезда (132 казака 1-го полка) [11, с. 126].

Какая-то часть духовного окормления служилых татар, отметим, что они сами инициировали регламентацию — в 1852 г. станичники из Станового попросили разрешить избрать муллу, обязуясь оплачивать жалование, но освободив от службы. Спустя год разработан проект, содержащий политическую установку: «Принимая во внимание, что духовенство магометанское проникнуто фанатизмом ... при мечетях в местах их компактного поселения должны быть: один хатип, один имам и один муадзин, а в ка-

ждой мечети — не менее двухсот душ мужского пола, и чтобы «духовные чины избирались принадлежащими к приходу мечети казаками» [2, с. 126–127]. Это оказалось весьма существенным, ибо вместе с причисленными в военное сословие в 1854 г. 5874 ясачными татары-казаки образовали 63 селения, где имелось 57 мечетей [1, с. 52].

С 1861 г. оказалась упразднена категория резервных казаков; отменена материальная поддержка их семей, а постоянная служба заменена цикличной: наряд 2 года + 4-летняя льгота. В Сибирское казачье войско включены Тобольский и Томский казачьи полки (стали 11-м и 12-м полками), Тобольский казачий пеший батальон (затем полубатальон), но в 1868 г. эти части упразднены, а городовые казаки расказачены. В результате дальнейшего расширения политического пространства империи военная линия Оренбургского и Сибирского казачьих войск (да и сама Степь) оказались во внутренних районах, что заставило перестроить жизнь и службу. Исходя из этого, приняты меры по передислокации и трансформации: Тобольский полк переименован в 11-й конный полк Сибирского казачьего войска, к которому в 1863 г. причислено 2393 мусульман. В 12-м полку мусульман много меньше (шесть из бывшего Томского городского полка и семь из Тобольского пешего полубатальона). В 1865 г. казаки из татар, башкир и мишарей Шадринского уезда выведены из военно-служилого сословия, но сохранили свои наделы.

Одни из последних казаков династии — два брата Кульмаматьевы в 1895 г. имели уже общевойсковой чин — майоры в отставке. В 1868 г. (времени перевода в податное сословие и ликвидации Тобольского и Томского полковых округов) тюркское казачество являлось частью аппарата управления государством и социально стабильной массой в крае.

Бывшие татары-казаки сохраняли память. Примечательна фотография 1891 г. о въезде царевича Николая Александровича в Томск, где шеренга всадников (предположительно татар) в меховых казачьих шапках образца 1840–1850-х гг. Помнили о своем казачьем прошлом полный Георгиевский кавалер Х. Якин и его сын — полный кавалер ордена Славы Х. Х. Якин. Вряд ли стоит отказывать современным сибирским казакам от таких героев, служивших Отечеству.

Казачество никогда не являлось аморфной массой. В нем всегда происходил процесс культуругенеза, который не одномоментен, а непрерывен, изменчив и способен к созданию новых форм. Поэтому проведенный исторический экскурс должен послужить основой размышлений для идеологов российского казачества, не игнорирующих, а осмысляющих прошлое для успешного построения современного граж-

данского общества, нуждающегося не в разделении на «коммунальные квартиры» (по происхождению, убеждениям, социальному и профессиональному статусу), а в консолидации.

Выход из сложившейся к 2015 г. ситуации с поляризацией двух составных частей сибирского казачества вполне однозначный (на предмет объединения казачества региона под общим началом), внося изменения в Устав ЮТОКО и новой структуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андреев С. М. Сибирское казачье войско: возникновение, становление, развитие (1808–1917 гг.). Омск, 2006.
2. Арапов Д. Ю. Правила устройства духовной жизни татар-мусульман в Тобольском конном полку (1853 г.) // Тюркские народы: материалы V сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2002.
3. Денисов Д. Н. Мусульманское духовенство в Оренбургском казачьем войске // Вестник Челябинского гос. ун-та / История. Вып. 42, 2010. № 30.
4. Зинченко С. Н. Сибирские городовые и пограничные казачьи полки // Актуальные проблемы современного казачества Сибири и Тюменского региона: материалы межрегион. круглого стола с междунар. участием. Тюмень, 2012.
5. Каженова Г. Т. Язык как отражение этнокультурных контактов казахов и сибирских казаков Степного края (XIX — начало XX веков) // Казахи России: история и современность: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т.. Т. 1. Омск, 2010.
6. Катанаев Г. Е. Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске // Тобольск и вся Сибирь. Тобольск, 2011.
7. Ремнев А. В. Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. 2006. № 4 (34).
8. Томилов Н. А. Казахи Западной Сибири в конце XVI — первой четверти XIX в. // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий: сб. науч. тр. Омск, 1983.
9. Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX в. Томск, 1980.
10. Тычинских З. А. О беклярибеке Сибирского ханства (к вопросу о трансформации системы традиционного управления в XVII–XVIII вв.) // Форум «Идель — Алтай»: материалы науч.-практ. конф. «Идель — Алтай»: истоки евразийской цивилизации, I Междунар. конгресса средневековой археологии евразийских степей: тез. докл. Казань, 2009.
11. Успенъев Г. И. Тюркоязычное население в составе Сибирского казачьего войска в XIX в. // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий: сб. науч. тр. Омск, 1983.